

С.В. Крылова

ФУНКЦИИ ДНЕВНИКОВОЙ ГЛАВЫ В АВТОБИОГРАФИИ Н. БЕРБЕРОВОЙ «КУРСИВ МОЙ»

Аннотация. Доказывается, что включение в текст автобиографии «Курсив мой» фрагментов дневника периода войны – это сознательный прием, выбранный Н.Н. Берберовой по эстетическим соображениям. «Черная тетрадь» переключает автоматизм читательского восприятия с эпоса на прозаическую миниатюру, ломает ритм повествования, устанавливает символические валентности между обрывочными записями и эпическим целым. Через дневниковую прозу писательница сумела создать ощущение шагов судьбы, ведущей ее к творчеству, подготовила победное звучание заключительной части книги.

Ключевые слова: сюжет восхождения, прозаическая миниатюра, наррация.

«Черная тетрадь» – шестая часть автобиографии Н.Н. Берберовой «Курсив мой»¹, которая охватывает период с августа 1939 г. (начало Второй Мировой войны) по апрель 1950 г. (год переезда писательницы в США) и содержит выписки из дневника, не имеющие точной датировки, а обозначенные лишь годом и месяцем. Обрамляющие «Черную тетрадь» части пятая и седьмая хронологически пересекаются со многими эпизодами дневника, но повествование в них строится в традиционном автобиографическом ключе. Зачем Берберовой понадобилось переключение дискурса с автобиографии на дневник? Думается, ею двигали эстетические, стилистические, философские и личные причины.

«Черная тетрадь» (78 страниц в типографском издании) вобрала в себя разные периоды жизни Берберовой: тяжелые годы войны, пережитые в Лонгшене со вторым мужем Николаем Васильевичем Макеевым, гибель последней жены Ходасевича, О.Б. Марголиной,

¹ Автобиографическая книга «Курсив мой» на английском языке вышла в 1969 г., на русском – в 1972 г. (в Мюнхене). Факты и оценки автора были подвергнуты критике многими русскими эмигрантами; в России книга впервые опубликована в 1999 г. (М. : Согласие).

которую Берберова и Макеев тщетно пытались спасти от концентрационного лагеря, тяготы немецкой оккупации, освобождение Франции, окончание войны, распад второго брака, послевоенные поездки Берберовой в Швецию и Бельгию. Эпизоды введены фрагментарно, как это свойственно дневниковым записям. Некоторые важные ситуации жизни автора, например растущее непонимание между супругами, отражены в дневнике, хотя об этом, пусть коротко, упоминается в автобиографическом повествовании в смежных частях книги.

Жанровая семантика дневника должна была усилить эффект подлинности записей, воспроизводимых по следам событий, однако «Черная тетрадь» – не аутентичное воспроизведение дневников тех лет, а композиционно организованный текст, сформированный в контексте всей книги. Берберова не скрывала, что ее жизнеописание создано по двум законам: «...первый – раскрой себя до конца, и второй – утай свою жизнь для себя одной» [1. С. 433]. И.Е. Винокурова, работавшая с архивом писательницы, убедительно доказала, что Берберова тщательно отбирала эпизоды из дневника для своей «автобиографии» и нередко сознательно искажала факты. Все дневники, которые Берберова, подражая Ходасевичу, вела во времена, описываемые в «Курсиве», были ею уничтожены или тщательно заштрихованы. Остальные записи, вплоть до самой смерти, сохранились в архиве. И.Е. Винокурова констатирует: «Ее записи 1920-х и начала 1930-х гг., в какой-то момент бесследно исчезнувшие, – не исключение, а правило. Не сохранились и дневники Берберовой с 1939 по 1950 г., обширные фрагменты которых составили в “Курсиве” отдельную главу под названием “Черная тетрадь”. Не дошли до нас и ее записи за все 1950-е гг. и первую половину 1960-х, за исключением двух небольших отрывков, относящихся к летним поездкам в Европу. Очевидно, что у Берберовой были веские резоны распорядиться таким образом. Эти резоны были, естественно, многообразны, но в их основе лежало одно: забота о собственной репутации – человека и мемуариста» [2. С. 212].

Следовательно, «Черная тетрадь» – художественный текст в форме дневника, который Берберова сознательно творила из под-

линного дневника, сплетая свою личную историю с историей человечества, европейской цивилизации. В конце части, предшествующей «Черной тетради», мемуаристка характеризует свои ощущения времени немецкой оккупации, мешающие объективному повествованию: «Я не только не могу писать что-либо, мне страшно сесть за письменный стол, страшно и противно...» [1. С. 436]. Затем сообщает, что иногда что-то записывает в клеенчатую тетрадь, купленную в начале войны: «...какие-то факты и мысли, события и размышления о них; разве я всю жизнь не считала, что все мое существование состоит в том, чтобы жить и думать о жизни? Жизнь и смысл жизни. Но теперь я вижу, что смысл ее – в ней самой и во мне – живой, еще живой. А другого смысла нет. И цели нет, и потому-то средства и не оправдываются целью, что цели нет. Цели нет» [Там же. С. 437].

Онтологическая пустота – та точка отсчета, с которой начиналась тетрадь. Опустошенность, страх, отчуждение людей – вот главные чувства, зафиксированные Берберовой в оккупированной столице Франции. Последняя фраза, предвещающая дневник: «И здесь начинается моя Черная тетрадь, от которой до сих пор пахнет землей: она одно время была закопана в подвале и зацвела темно-зелеными пятнами плесени» [Там же. С. 439]. Собственно, в конце пятой части «Курсива» в скрытой форме содержится *сюжетный посыл* для идущего следом дневника: переживание сильной женщиной трагических событий истории.

Название «Черная тетрадь» свидетельствует, что Берберова ориентировалась на дневниковую прозу З. Гиппиус времен революции и Гражданской войны¹ (часть дневников этого периода названа «Черная книжка»). Острой оценочностью, общественным темпераментом и чувством истории «Черная книжка» З. Гиппиус совпадала с собственным ощущением исторической реальности, доминировавшим у Берберовой в годы войны.

¹ «Петербургские дневники» З. Гиппиус фиксируют жизнь Петербурга периода 1914–1919 гг. Первая часть как «Синяя книга» опубликована при жизни писательницы (1929), переиздавалась с предисловием Н. Берберовой (Нью-Йорк, 1982 и 1990) как «Петербургский дневник». См.: [3].

«Черные тетради» (записи 7 ноября 1917 – 12 января 1919 г.; сохранилась только вторая из трех написанных) и продолжающая их «Черная книжка» (1919) – тексты, не просто хорошо знакомые Н.Н. Берберовой. С Гиппиус ее связывали сложные отношения, не дружеские, скорее сопернические. По темпераменту и безжалостности взглядов на мир и людей они были схожи. В 1980 г. Берберова написала предисловие и примечания к изданию Петербургских дневников. На тот момент «Курсив» уже распространялся среди русской читающей публики. Позднейшие оценки личности Гиппиус и ее дневника столь же резки, как и в «Курсиве». Отдавая должное уникальности запечатления катастрофических событий, «неостывающему пылу молодости», темпераменту, Берберова так характеризует творческую природу Гиппиус: «Теперь мы знаем, что она из своих неврозов брала свою энергию, из своих неврозов делала свои стихи, писала свои дневники, и своими неврозами кормила свое мышление, делая свои мысли яркими, живыми и острыми не только благодаря их сути, на которой, как на драгоценном компосте, они вырастали и зрели, но и благодаря тому стилю, которым они облекались» [4]. Из уникальности гиппиусовского стиля Берберова выводит «присущее всякому неврозу ограничение, которое так явственно видно на страницах дневника: невозможность, а может быть и нежелание собственной внутренней эволюции, неумение принять ее в других, отсутствие чувства перспективы, недостаток дисциплины в ограничении своих политических страстей, страх себя самой и своего свободного суждения, – она не видела себя и потому не могла бороться с этими слабостями» [3].

Себя невротиком Берберова не считала, в «Курсиве» утверждала, что умеет видеть себя, умеет подлаживаться, «расти, меняться, зреть, стареть» [1. С. 389], и это дает ей возможность объективнее смотреть на мир. Но гиппиусовский острый взгляд, пропитанный энергией индивидуального стиля, Берберова переняла. Название дневников и черный цвет тетрадей, в которые были занесены записи у Гиппиус и Берберовой, символичны: дневники о черных днях и опыте их преодоления. У Берберовой мотив преодоления звучит сильнее. Временной промежуток ее «Черной тетради» гораздо

больше, а записи (или сознательная выборка из них) лаконичнее, чем у Гиппиус. Вторая мировая война и послевоенное пятилетие задавали более жизнеутверждающий сюжет, чем катастрофа революции и Гражданской войны.

И.Е. Винокурова убедительно доказала, что был и другой, узнаваемый современниками, источник дневниковой прозы Берберовой – «Сила зрелости» Симоны де Бовуар¹ [5], книги которой Берберова жадно читала. Более того, образ Бовуар включен в последнюю часть «Курсива» как еще один типаж авторского «не-Я». Исследовательница убеждена: «Налицо напряженный диалог с Бовуар, идущий на всем пространстве “Курсива”, хотя афишировать этот диалог Берберова отнюдь не стремится» [Там же]. Сознательно переняв у Бовуар эстетику, тематику и феминистский дух, Берберова соотносит свой жизненный опыт с опытом Бовуар и старательно прикрывает литературный источник своих открытий. «Ее идея рассказать о событиях и впечатлениях военного времени с помощью выписок из своего дневника была явно взята Берберовой на вооружение», – пишет И.Е. Винокурова и называет еще одну причину: желание скрыть обвинения в связи с фашистами. В период оккупации Н.В. Макеев работал в Лувре торговцем картинами, что давало семье «относительное материальное благополучие, отличавшее их быт в военное время, порождало толки и недовольство» [2. С. 329]. Обвиняли в прогитлеровских симпатиях и саму Берберову: «Неудивительно, что повествование о военных и послевоенных годах она строит в “Курсиве” с тщательным учетом и выдвигаемых когда-то обвинений, и изложенных в ее “циркулярном” письме оправданий. О первых Берберова решает умолчать, зато вторые – как раз полнее развернуть, превращая каждую, даже самую мелкую, деталь в самостоятельный сюжет. <...> Таким образом достигается ощущение документальности повествования, то есть именно того, чего Берберовой было важно добиться» (выделено мной. – С.К.) [2. С. 329–330].

¹ «Сила зрелости» (*La Force de l'âge*, 1960) – вторая часть автобиографической трилогии Симоны де Бовуар; одновременно это и мемуары, охватывающие период с конца 1920-х до 1944 г., критический для европейской истории.

Из без малого 11 лет, описанных в «Черной тетради», военные годы (1939–1945) занимают три четверти текста шестой части, однако их нельзя назвать только «окаянными днями», так как среди тьмы военного лихолетья Берберова фиксирует и светлые моменты. Безусловно, требовалось особое чувство вкуса, ритма и особое переживание времени, чтобы тетрадные записи стали фактом не только личной, но и общей истории. Несмотря на то, что Берберова воспроизводит жизнь парижского пригорода и собственные переживания, дыхание большой истории в тетради очевидно. Из записей 1941 г.: «22-е. Воскресенье. // Утреннее радио. // Немцы вошли в Россию» [1. С. 469]. Несколькоми днями позже: «22 июня 1812 года, в своей главной квартире в Вильковишках, Наполеон объявил войну России» [Там же. С. 470]. Две даты в мировой истории связаны в один узел: два нашествия на Россию с разницей в 129 лет. Эти исторические параллели, сопоставительные ряды Берберова выстраивает точно и смыслоемко.

Писательница выбирает разнородные фрагменты (события, мысли, воспоминания) и создает мозаику времени. Искусство монтажа, использование символической детали (бытовой, психологической) и постоянная рефлексия – вот те опоры, на которых держится эта часть. Большинство записей краткие, в один-два абзаца. Исключения составляют развернутые воспоминания. Берберова сооружала из фрагментов дневника роман о времени и собственной судьбе, сюжет эмоционального и интеллектуального постижения исторического времени и своего места в нем. Склонная к самоорганизации и точности, в «Черной тетради» она сознательно почти *не ставит дат*, только обозначает месяц. Некоторые даты легко восстановить, но не названы: заключение пакта Молотова–Риббентропа (23 августа 1939 – первая запись «Черной тетради»), начало Второй мировой войны (1 сентября 1939 г.), годовщина смерти Блока и т.п. Вероятно, для писательницы это смысловой знак. Время в дневнике одновременно и фрагментарно, и укрупнено: не дни, а месяцы. Плотность записей во время войны больше и короче. Соединение эпизодов и рефлексий героини создает повествовательное пространство с сюжетом физического и духовного выживания.

К «Черной тетради» применимы наблюдения Г.А. Жиличевой над постсимволистским романом, в котором «проблема соотношения прошлого и настоящего, общей и индивидуальной истории становится не только одним из важнейших элементов сюжета, но и служит импульсом для экспериментов в области форм презентации наррации, воздействующих на восприятие читателя, его опыт времени» [6. С. 106].

Берберова обдуманно располагает рядом личные переживания, и глобальные обобщения. В чередовании фрагментов обнаруживается интенсивная интеллектуальная жизнь героини. Дневник помогает Берберовой создавать свою личную мифологию, о чем уже говорилось в начале статьи. В поле размышлений и чтения героини входят русская и мировая история, культура, искусство, проза, поэзия. Параллельно с русской темой развивается французская; она более конкретна, имеет социально-исторический аспект. Французы в годы немецкой оккупации интересны автору дневника их отношением к нацистам – от оправдания до ненависти, от трусости до подвига. Изображение выдает критицизм автора: хихикающие и целующиеся под новости «вохеншау» парочки в парижском кинотеатре в июле 1940-го; совет газетчиков французским женщинам, проводившим мужей на фронт, «трикоте» и «дорме» (вязать и спать) [1. С. 451]; мадам Шассен, 112 кило, умершая от переедания в ноябре 1942 г. В поступке мадам Шоссад, приютившей трех еврейских девочек-сироток у себя дома, подробностями снимается позитивная оценка: психически нездоровый муж мадам сначала «воспылал любовью» к одной из девочек, затем «предупредил всех кур, повесил на огород замок, ничего им не дает, сам ест и грозит, что донесет в гестапо, что его жена поселила в доме еврейских детей» [Там же. С. 492]. Жизнелюбие, эгоизм и легкомыслие французов удручают на фоне сводок из России или судебных русских эмигрантов, измученных голодом, страхом, арестами.

Берберова вводит образы и пронацистски настроенных русских: «героя нашего времени» С. – авантюриста и развратника с криминальными наклонностями, состоявшего переводчиком у немцев в России [Там же. С. 487–489]; неких писателей вокруг И.Г. Сургу-

чёва, связывающих с немцами свое победное возвращение в Россию (запись от августа 1943 г.). Особенно неожиданным выглядит появление власовца Н. Давиденкова, друга Л.Н. Г<умилёва>, который на вечере у Гиппиус прочитал новые стихи Ахматовой, прилетевшие с того берега, того ада: «Я не могла сдержать слез и вышла в другую комнату» [1. С. 496]. Берберова с брезгливостью относится к любым проявлениям низости – как среди французов, так и среди русских. Запись ноября 1942 г.: «Достаточно прочесть два номера берлинской газеты “Новое слово”, чтобы понять всю ничтожность, лакейство, продажность, всю подлость русской души, когда она хочет выслужиться, отличаться» [Там же. С. 484].

И все-таки жизнь русских эмигрантов, того круга, в котором вращалась Берберова, была в духовном ключе гораздо выше французского бытового окружения Берберовой в Лонгшене и Париже. Не пренебрегая общением с простыми французами, писательница показывает параллельность французского и русского миров. В период оккупации бесправие французов не шло ни в какое сравнение с бесправием русских эмигрантов. Описывая случайные встречи с литераторами в эти четыре года, Берберова фиксирует бедность жизни, жалкое положение. Ее опорой становится не настоящее, а вневременное: воспоминания, книги, музыка. Мировая история, ощущаемая в связи с другими кризисными эпохами, дает основание для скепсиса. В декабре 1939 г., за несколько месяцев до вторжения немцев в Париж, Берберова записывает: «Вся мировая история взята мною сейчас под подозрение. В истории этой не было ни справедливости, ни добра, ни красоты. Еще меньше, чем в природе, – справедливости и добра, во всяком случае» [Там же. С. 444]. В годы оккупации в ее дневнике часто мелькает имя Наполеона, она перечитывает «Войну и мир» (скорее по-писательски, чем по-читательски), спустя три месяца после вторжения немцев читает историю французской армии генерала де Голля. Но ничто не снимает глубокой подавленности. В декабре 1941 г., в оккупированном Лонгшене, она запишет: «Вся красота и драма мира, вся нежность, прелесть и теплота мирного мира взяты мною под сомнение в последний год» [Там же. С. 475].

Выйти из духовного тупика ей помогла встреча с девятилетней испанской девочкой Рамоной, дочерью дровосека. Писательница была поражена ее красотой, смирением и детской грацией. Девочка воспринимается в поле культурных ассоциаций, кажется ей сошедшей со страниц Андерсена или рисунка Гойи – лохмотья вместо одежды, доверчивая улыбка: «Вся она, с ее улыбкой и жестяной в руке, с ее непониманием языка людей, среди которых она жила, с дикостью, вдруг мелькнувшей в ее испуге, явилась, чтобы разбудить меня, перевернуть мертвые пласты во мне, снять с души кровь и плесень» [1. С. 475].

Большая история не перевешивает личную историю Берберовой, не управляет историей ее «думанья» [Там же. С. 602]. Параллельно с трагической какофонией войны в дневнике настойчиво развивается тема интеллектуального сопротивления насилию и разрушению. Запись от октября 1940 г.: «Что-то основное, что целиком идет из *мышления*, постигается поэтически через пронзительный поэтический образ. Так, Радищеву все его “публицистические” рассуждения пришли на ум через поэтическое переживание: еду из Петербурга в Москву, он прислушался ночью к ямщицкой песне и был потрясен ее печалью и красотой. И это стало потом “публицистикой”» (курсив автора. – С.К.) [Там же. С. 451]. В декабре 1945 г. делается выписка из «Афоризмов» А. Шопенгауэра о внутренних импульсах, направляющих сознание, сходных с пророческими снами. Вероятно, нечто пророческое, внеиррациональное она ощущала и в своем дневнике эпохи войны.

О том, что форма и содержание дневника составляли для Берберовой возможность саморефлексии в момент написания «Черной тетради», свидетельствует характеристика дневника Веры Николаевны Буниной, сделанная в декабре 1939 г., после ночевки в бунинской квартире на улице Оффенбах: «В комнате В.Н., на ее письменном столе, лежал ее знаменитый дневник (Алданов мне однажды сказал: Бойтесь В.Н.! Она и вас туда запишет!). Страница была открыта. На ней круглым детским почерком было выведено: Вторник. Целый день шел дождик. У Яна болел живот. Заходил Михайлов.

Мне это напомнило дневник, который вел отец Чехова в Мелехове: “Пиона в саду распустилась. Приехала Марья Петровна. Пиона завяла. Марья Петровна уехала”» [1. С. 445].

Берберова иронично фиксирует бытовой характер записей в дневнике, автономность быта от истории, упрощенное понимание его. Сама же она в дневниках акцентирует постоянную связь личного с историческим временем, размышления о вечном. Отбор фактов, их осмысление в «Черной тетради» идет синхронно с событиями, в отличие от «Курсива», где ретроспективность создает дистанцию. Например, в конце пятой части Берберова возвышенно пишет о смысле их «общей жизни (десять лет)» с Н.В. Макеевым [Там же. С. 434] и туманно – о причинах разрыва. Там же упомянут период «1938–1944 годов, когда жизнь в Лонгшене начала распадаться» [Там же. С. 435]. Начало последней, шестой, части вновь повествует о завершении большого этапа в личной жизни Берберовой: крахе ее брака с Макеевым, бездомности: «Летом 1947 года я осталась одна. Лонгшен был объявлен к продаже, и в Париже у меня не было места, где я могла бы жить» [Там же. С. 519]. А между ними – «Черная тетрадь», где благодарные записи о втором муже и лишь намек на трещину в отношениях.

Две записи дневника параллельны стилистически и противопоставлены по смыслу. Декабрь 1940 г.: «Со мной живет человек крепкий духом, здоровый телом и душой, ровный, ясный, добрый. Трудолюбивый и нежный. За что ни возьмется – все спорится в руках. Ко всем расположен. Никогда не злобствует, не завидует, не клеветает. Молится каждый вечер и видит детские сны. Может починить электричество, нарисовать пейзаж и сыграть на рояле кусок из “Карнавала” Шумана» [Там же. С. 464].

Сентябрь 1947 г.: «Человек, с которым я продолжаю жить (кончаю жить): // не веселый, // не добрый, // не милый. // У него ничего не спорится в руках. Он все забыл, что знал. Он никого не любит, и его постепенно перестают любить» [Там же. С. 511].

Так же двояко отражены арест и гибель Ольги Марголиной в июле 1942 г.: очень драматично и подробно – в автобиографии, совсем коротко – в дневнике. Посещение Берберовой опустевшей

комнаты Ольги продублировано в мемуарной и дневниковой частях. Мемуарный текст передает трагизм ситуации, отдельные слова, чувства, жесты («Оля стояла, смотря на меня и Асю своими светлыми глазами, и, пока грузовик не повернул за угол, крестила меня, Асю, всех стоящих вокруг, мэрию, небо, и Биянкур, и Булонь...» [1. С. 427]), потрясенность самой повествовательницы. Мемуарный текст у Берберовой – это повествовательно-анализирующий дискурс. Дневник – только фиксация событий: «Была на квартире Оли и взяла там два чемодана книг, бумаг и несколько вещей Ходасевича.

Все было в ужасном хаосе: чулки, рукописи, лоскутки материй, клубки шерсти, книги, еда. Пойду еще, чтобы разобраться. Не могла найти многого (например – писем Сологуба). Среди комнаты валялись какие-то документы, между ними – ее аттестат из петербургской гимназии» [Там же. С. 482].

Впрочем, некоторые ретроспективные записи «Черной тетради» о жизни довоенной русской эмиграции выполнены в мемуарном ключе и превращаются в эпическое повествование. И все же дневник у Берберовой, помимо фактографической, имеет функцию самовыражения как в военных, так и в послевоенных фрагментах «Черной тетради».

Малая форма записей заставляет воспринимать их не только в смысловом, но и в поэтическом ключе (вес каждого слова становится больше). Заданные в разных частях смысловые камертоны, ориентирующие на интеллектуальную высоту, строки стихов, имена больших поэтов и мыслителей, погруженность самого автора в словесную культуру дают эффект движения, восхождения к духу. В январе 1947 г. Берберова записывает: «1946 год у меня был счастливым: я опять начала работать. Потом были две поездки: одна на юг, к Злобину, другая в Швецию. И я написала книгу о Блоке» [Там же. С. 507], а в феврале – почти стихотворение в прозе:

Освобождение? От чего именно?

От интеллектуальной анархии.

От оценок, подверженных капризам настроения.

От дуализма (все синтезировано).

От чувства вины (сполна уплачено).
 От беспричинной тревоги.
 От страха чужого мнения [1. С. 507].

В «Черной тетради» сюжет преодоления духовного кризиса героини заканчивается победой. Она съездила по личным и литературным делам в Швецию и Брюссель, избавилась от боязни воды (этой истории посвящено несколько развернутых записей), имеет возможность помогать некоторым людям и делает это с удовольствием. Она созрела для выбора, о чем станет известно в последней части, – переезд в Америку. «Черная тетрадь» кончается в апреле 1950-го фразой по-английски, написанной без перевода: «Perhaps the whole pilgrimage of spirit was the only goal of spirit, the only home of truth. (Santayana)» [Там же. С. 518]. («Возможно, в целом паломничество духа было единственной целью духа, единственным домом истины»).

О Сантаяне Берберова упоминала в автобиографии всего один раз, в четвертой части, когда перечисляла деятелей мировой культуры, создавших произведения не на родном языке. Его идеи об эстетическом отношении к жизни, о культуре воображения, об искусстве как «моральном благе» общества, вероятно, были известны в американской интеллектуальной среде. Но Берберовой его фраза понадобилась для того, чтобы тематически и музыкально связать финалы «Черной тетради» и предыдущей, пятой части, в которой описывались крайне подавленное состояние людей и ее самой в годы войны, ощущение бессмысленности жизни, исчезновение ее *цели*. Еще раз повторим эту цитату: «И цели нет, и потому-то средства и не оправдываются целью, что цели нет. Цели нет» [Там же. С. 437]. В финале «Черной тетради» цель указана – паломничество духа, названного домом истины.

Как верно отмечают исследователи, «дневники писателей эстетически организованы. Они являются отражением писательского мышления, вбирают в себя эстетический импульс, сочетают в себе как документальное, так и художественное начало» [7. С. 125]. Вставляя в автобиографический текст «Черную тетрадь», Берберова ориентировалась как на литературу нон-фикшн, так и на приме-

ры дневниковых глав в произведениях русской классики («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Демикотоновая книга» в «Соборях» Н.С. Лескова). Мемуаристка делала стилистический эксперимент, осваивала эстетику постсимволистского романа, в котором «интригу образует не только описание судьбы персонажей, но и “событие рассказывания”» [8. С. 195]. У человека, живущего интенсивной интеллектуальной жизнью, новая мысль, взволновавшая строчка стиха, ожившее воспоминание – это тоже события.

«Черная тетрадь» фиксирует сразу несколько пластов жизни ее автора: бытовой, исторический, интеллектуальный, личный. В фактах быта Берберова прозревают смысловые знаки. Ее нерелигиозное, отличное от символистского мистицизма сознание не ищет в этих знаках подсказку Демиурга, однако улавливает энергию глубинной жизни, связи всех ее проявлений. «Черная тетрадь» предваряет заключительную часть «Курсива», мажорную и победительную по звучанию – «Не ожидая Годо». Через трагические дневниковые «крохотки», ведущие героиню от опыта выживания к полноценному радостному бытию, Берберова готовила финал «Курсива», в котором утверждала правоту своего жизненного пути и готовность бесстрашно встретить старость и смерть.

Итак, дневниковая форма в предпоследней части автобиографии «Курсив мой» – это сознательный прием, выбранный Берберовой не только по личным, но и по эстетическим соображениям. Дневник резко менял ритм и способ повествования автобиографических частей «Курсива», разрывал временное течение на фрагменты с разным настроением, тематикой, увеличивал смысловую значимость каждой записи, прочитываемой в соединении как с соседними фрагментами, так и с обрамляющими «Черную тетрадь» частями. Склонная к символистским обобщениям Берберова в дневниковой главе заставила время прошлого звучать синхронно читательскому восприятию. Благодаря вторжению дневниковых записей в мемуарный текст обнажался творческий и философский смысл ее повествования: умение из разрозненных нитей судьбы и случайных эпизодов сплести многомерное полотно собственного

прошлого, пронизанного потребностью познания. Из дневниковых записей рождается лирический эпос «Курсива» с его символическими названиями глав, мотивной структурой, идеями вечного самобновления и интеллектуального роста. Соотношение дневника и автобиографии в рамках одного текста соединило в одно семантическое поле события жизни, их синхронное восприятие и двухфазную письменную реакцию: по свежим следам и спустя годы.

«Черная тетрадь» музыкально и тематически выделена в тексте «Курсива». Она существенно переключает автоматизм читательского восприятия с эпоса на прозаическую миниатюру. Годы войны и послевоенного выстраивания собственной жизни, переданные неровной, пульсирующей прозой, стали для Берберовой символом «pilgrimage of spirit», в ритме дневниковой прозы писательница передала ощущение шагов судьбы, ведущей к творчеству, к словесной расшифровке духовных вибраций, содержащихся в каждом фрагменте бытия.

Литература

1. Берберова Н.Н. Курсив мой : автобиография / вступ. ст. Е.В. Витковского ; коммент. В.П. Кочетов, Г.И. Мосешвили. М. : Согласие, 1999. 736 с.
2. Винокурова И. «Камер-фурьерский журнал» Нины Берберовой // Звезда. 2014. № 8. С. 200–214.
3. Новожилова А.М. Петербургские дневники Зинаиды Гиппиус («Синяя книга», «Черные тетради», «Черная книжка», «Серый блокнот»): проблемы поэтики жанра : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 215 с.
4. Берберова Н.Н. Предисловие // Гиппиус З.Н. Дневники URL: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml (дата обращения: 11.11.2018).
5. Винокурова И. «Кого выбрать примером? У кого мне учиться?..» Нина Берберова и Симона де Бовуар // Вопросы литературы. 2012. № 2. С. 295–335.
6. Жиличева Г.А. Тема времени и время повествования в русском романе 1920–1950-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 99–108.
7. Маркусь А.М. Потенциал дневниковой прозы периода Великой Отечественной войны // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 3 (45). С. 124–128.
8. Жиличева Г.А. Функции металеписов в романах постсимволизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 194–205.

Functions of the Diary Chapter in Nina Berberova's Autobiography *The Italics Are Mine*

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 20, pp. 72–87.

DOI: 10.17223/23062061/20/6

Snezhana V. Krylova, Moscow Region State University (Moscow Region, Russian Federation). E-mail: sv.krylova@mgou.ru

Keywords: plot of rise, prosaic miniature, narration.

The diary fragment “Chernaya Tetrad’” (“Black Notebook”) is the sixth part of Nina Berberova’s autobiography *The Italics Are Mine*. The article proves that the inclusion of war period fragments of the diary into the text is a conscious decision Berberova made for aesthetic reasons. The genre semantics of the diary reinforces the effect of authenticity of the recordings that creates the illusion of synchronism of the events described. While creating the sixth part, Berberova undoubtedly used the experience of the world’s classics and of her closest predecessors (Zinaida Gippius with her *Chernaya Knizhka* [Black Book] (1919), a diary of the Civil War period, and Simone de Beauvoir with her diary inclusions in an autobiographical story *Sila Zrelosti* [The Prime of Life] (1960).

The previous and the subsequent parts of *The Italics Are Mine* have some themes and events similar to the content of the *Black Notebook*. However, the events reflected twice in different ways are described in completely different ways: in detail and profoundly in the memoir part, fragmentarily and sparingly in the diary. The article analyzes the reasons for this difference. There are also themes in the *Black Notebook* that are not repeated in the other parts: the attitude of the French and Russian immigrants to the fascists, the spiritual opposition of the main character to the total callousness of the war period. The basis of Berberova’s diary is a continuous reflection on both personal, private and general history, which she sees through the prism of literature and culture in the broadest sense of the word. The diary is the basis for the entire *The Italics Are Mine*.

Black Notebook is a literary text that Berberova was consciously creating from a genuine diary by intertwining her personal history with the history of the humanity, the European civilization. Using the aesthetics of a post-Symbolist novel, Berberova’s plot is not only the events but also their presentation. An intelligent woman overcomes her spiritual crisis provoked by the terrible time by selecting symbolic details, reflecting on quotations from books, comprehending historical parallels and by having a constant dialogue with culture. The process of thinking becomes the main support of the plot of the main character’s intellectual rise to the heights of knowledge, the plot of the victory over circumstances.

Black Notebook switches the reader’s perception from an epic to a prosaic miniature, breaks the rhythm of the narration, establishes polysemantic links between fragmented notes and the epic whole. The diary text creates a feeling of the steps of destiny that led the author to creativity, prepares the victorious and optimistic end of the entire book.

References

1. Berberova, N.N. (1999) *Kursiv moy: Avtobiografiya* [The Italics Are Mine: Autobiography]. Moscow: Soglasie.
2. Vinokurova, I. (2014) “Kamer-fur'erskiy zhurnal” Niny Berberovoy [“The Camera-Fourier Journal” by Nina Berberova]. *Zvezda*. 8. pp. 200–214.
3. Novozhilova, A.M. (2004) *Peterburgskie dnevniky Zinaidy Gippius* (“*Sinyaya kniga*”, “*Chernye tetrad*”, “*Chernaya knizhka*”, “*Seryy bloknot*”): *problemy poetiki zhanra* [Petersburg diaries of Zinaida Hippus (“Blue Book”, “Black Notebooks”, “Black Book”, “Gray Notebook”): Problems of the poetics of the genre]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Berberova, N.N. (n.d.) Predislovie [Foreword]. In: Hippus, Z.N. *Dnevniky* [Diaries]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml. (Accessed: 11th November 2018).
5. Vinokurova, I. (2012) “Kogo vybrat' primerom? U kogo mne uchit'sya?..” Nina Berberova i Simona de Bovuar [“Who to choose as an example? Who should I learn from?..” Nina Berberova and Simone de Beauvoir]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 295–335.
6. Zhilicheva, G.A. (2014) The topic of time and narrative time in Russian novels of the 1920–1950s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(29). pp. 99–108. (In Russian).
7. Markus, A.M. (2016) Potential of the diary prose of WWII. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 3(45). pp. 124–128. (In Russian).
8. Zhilicheva, G.A. (2018) Roles of metalepses in post-symbolist novels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. pp. 194–205. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/54/12